

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Нарративная эмпатия

Цель: знакомство с гипотезой эмпатии-альтруизма и ее применением к опыту повествовательной эмпатии, а также с теорией нарративной эмпатии Сюзанны Кин и эмпатическими методами повествования.

Ключевые слова: эмпатия, альтруизм, нейронаука, текст, нарратив.

Мы начинаем разговор о работе Сюзанны Кин «Нарративная эмпатия».

То, что наши знания о боли других людей могут спровоцировать чувства идентификации и обмена эмоциями, было известно со времен Аристотеля, но современная нейронаука позволяет углубить наше понимание того, как это происходит. Сюзанна Кин использует достижения нейронауки при изучении художественной литературы.

Исследованию Сюзанны Кин в нашем курсе будет посвящено две лекции. В них рассматриваются три задачи, являющиеся предварительными для изучения ею гипотезы эмпатии-альтруизма с точки зрения того, как она может быть применима к опыту нарративной эмпатии. В первой лекции предметом разговора станет эмпатия, а также теория нарративной эмпатии Сюзанны Кин и эмпатических методов повествования. Вторая лекция позволит ознакомиться с тем, как работает повествовательная эмпатия, и обзором текущих исследований влияния конкретных методов повествования на читателей.

К постановке проблемы

Современная нейронаука приблизила нас к пониманию нейронной основы умственного мышления и способности делиться эмоциями, т.е. механизмов, лежащих в основе эмпатии. Нейрофизиологическое исследование того, что чтение романа стимулирует активность зеркальных нейронов, теперь, как никогда ранее, актуально. Нейробиологи заявили, что у людей, показывающих высокие результаты в тестах на эмпатию, система зеркальных нейронов в мозгу особенно нагружена. Впервые мы можем исследовать, могут ли изменения в активности зеркальных нейронов человека зависеть от воздействия искусства, преподавания и литературы.

Новые возможности изучать эмпатию на клеточном уровне стимулирует размышления о положительных последствиях эмпатии человека. Опыт эмпатии, включая ее литературную форму, связан с результатами измененных взглядов, улучшенных мотиваций, большим проявлением заботы и обострением чувства справедливости.

Сообщения о резком снижении числа читающих литературу вызывают опасения: сужение читающей публики сказывается на увеличении числа людей, не способных сочувствовать другим. Тем не менее, существование связей между чтением художественной литературы, опытом повествовательной эмпатии и альтруизмом, пока не доказано.

Что такое эмпатия?

Эмпатия, опосредованное, спонтанное разделение аффекта, может быть спровоцирована чужим эмоциональным состоянием или даже чтением. Считается, что эмпатия является предшественником своего семантически близкого «родственника» – симпатии. Личный страх, отрицательный эмоциональный отклик, также характеризующийся опасением чужой эмоции, отличается от эмпатии тем, что фокусируется на себе и ведет не к сочувствию, а к избеганию.

Чрезмерный эмпатический ответ, создающий личный страх, приводит к избеганию провокационного состояния другого. Философы, которые рассматривают морально улучшающийся опыт повествовательной эмпатии, не включают личный страх в свои теории. Поскольку чтение романа может быть легко остановлено или прервано неприятной эмоциональной реакцией на книгу, личный страх не находит отражения в литературной теории эмпатии.

Эмпатия может быть как эмоциональной, так и когнитивной. Хотя психологические и философские исследования эмпатии склонны рассматривать ее проявление в негативной ситуации, эмпатия также возникает при переживании положительных чувств счастья, удовлетворения, восторга, триумфа. Все эти позитивные виды эмпатии вызывают удовольствие или радость читателей.

Эксперты по проблемам эмоциональной заразительности провели большую работу, изучая полный спектр эмоциональных состояний, которые можно разделить между собой посредством автоматической мимики. Действительно, простейшая эмоциональная заразительность или «тенденция автоматически имитировать и синхронизировать выражения лица, вокализации, позы и движения с движениями другого человека и, следовательно, сближаться эмоционально» предлагает убедительное объяснение компонента эмпатии как фактора нашего физического и социального осознания друг друга, свойственной человеку от рождения. Унаследованные черты играют важную роль в нашем настроении испытать эмоциональную заразительность, но наши личные истории и культурные контексты влияют на то, как мы понимаем автоматически разделяемые чувства.

Так, например, эмоциональная заразительность проявляется в наших реакциях на повествование, потому что мы – также существа, переживающие сюжеты. Устный рассказчик, воссоздавая голоса и выражения лиц персонажей, не только использует нашу способность делиться чувствами, но и негласно обучает маленьких детей и членов более широкой социальной группы отдавать предпочтение культурно ценным эмоциональным состояниям. Повествования в прозе и кино манипулируют нашими чувствами и вызывают к нашей способности чувствовать себя в единстве с другими. Действительно, ранняя история эмпатии как предмета исследования подчеркивала как эмоциональные, так и эстетические реакции.

В начале XX века английская писательница Вернон Ли ввела термины «сопереживание» и «сочувствие» в широкую литературную аудиторию. Она выдвинула теорию эстетического восприятия формы с участием эмпатии. Определяя цель искусства как «пробуждение, усиление или поддержание определенных эмоциональных состояний», Ли делает эмпатию центральной особенностью нашей совместной реакции. Как только термин «эмпатия» был произнесен и стал одним из центральных в эстетической теории для англоязычной аудитории, он получил вызов, как выражается С. Кин, из самых высоких модернистских кварталов. Презрение Бертольда Брехта к эмпатии (и его пропаганда эффектов отчуждения), охват проблематики модернистскими поэтами и доминирование «новой критики», в которой избегали аффективной ошибки, до недавнего времени мешали интеграции эмпатии в литературную теорию. Романисты и читатели романов, которые ценили опыт эмоционального слияния, культивировали повествовательную эмпатию на протяжении всех периодов, когда этот термин находился в пренебрежении.

Как изучается эмпатия?

Сюзанна Кин объясняет некоторые методы, используемые нейробиологами, а также психологами для изучения эмпатии. Психологи проверяют и фиксируют эмпатию различными способами. Физиологические меры, иногда сочетающиеся с самоотчетом, могут показать силу или слабость эмпатических ответов. Психологи измеряют изменения сердечного ритма и проводимости кожи. Они собирают данные об ощутимых и незаметных лицевых реакциях, последние улавливаются электро/мио/графическими приборами. Специализированные исследования, известные как «шкалы эмпатии», используются для оценки силы эмпатического чувства. Функциональная магнитно-резонансная томография (МРТ) оказала глубокое влияние на науку о мозге и изучение эмпатии.

Исследование Сюзанны Кин направлено на выяснение того, почему настолько слаба связь между повествовательной эмпатией и альтруизмом. Для читателя романа, который испытывает либо эмпатию, либо личный страх, не может быть ожиданий взаимности, связанной с эстетическим откликом. Сама природа художественной литературы делает социальные контракты между людьми и персонажами недействительными. В отличие от детей-заложников в Беслане, которые хотели, чтобы Гарри Поттер пришел им на помощь, пишет

С. Кин, взрослые читатели знают, что вымышленные персонажи не могут нам помочь. Точно так же мы знаем, что мы не можем помочь им. Мы можем испытывать большой интерес к персонажам, но выполнение обязательств по отношению к ним нарушает условия вымысла. То есть эмпатическая реакция может быть отвлечена от просоциального исхода посредством вмешательства нашего знания.

Сюзанна Кин априори отказалась от бытующего мнения о том, что эмоции и познание описывают различные процессы центральной нервной системы, поскольку сама эмпатия явно включает как чувство, так и мышление. Память, опыт и способность воспринимать чужое положение (вопросы, которые традиционно считаются когнитивными), играют в эмпатии свою роль. Однако опыт эмпатии в чувственном предмете включает в себя эмоции, в том числе ощущения в теле. В любом случае, повествовательная эмпатия, вызванная чтением, должна включать познание, поскольку само чтение опирается на сложные когнитивные операции.

Эстетика как научная дисциплина, которая имеет исторические связи с философией, психологией, а также с литературными исследованиями, уже более века заинтересована в эмпатии как аспекте творчества и объяснении реакции человека на произведения искусства. В своей самой сильной форме эмпатия эстетики описывает сплав с объектом, который может быть другим человеком или животным, но также может быть вымышленным персонажем или даже неодушевленным предметом, таким как пейзаж или произведение искусства. Акты воображения и проекции, связанные с такой эмпатией, безусловно, заслуживают маркировки «познавательных», но ощущения, какими бы странными они ни были, заслуживают того, чтобы быть запечатленными как чувства. Таким образом, С. Кин не изолирует повествовательную эмпатию от зоны аффекта или познания: как процесс, эмпатия включает в себя их обоих.

Когда тексты побуждают читателей чувствовать, они также заставляют читателей думать. Еще предстоит выяснить, является ли чтение романа достаточно важной чертой грамотных людей, чтобы сыграть значимую роль в их просоциальном развитии. Когнитивные и эмоциональные реакции читателей не обязательно приводят к сопереживанию, но художественная литература лишает читателей некоторых защитных слоев, которые могут сдерживать эмпатию в реальном мире.

Теоретики нарратива, критики и специалисты по чтению уже определили небольшой набор описательных методов, поддерживающих идентификацию персонажа, способствующих эмпатическому опыту, меняющих взгляды и даже предрасполагающих читателей к альтруистическим поступкам. В числе этих описательных методов использование повествования от первого лица, изображение внутреннего монолога и эмоциональных состояний персонажей. В ходе обзора имеющихся исследований по этому вопросу С. Кин отмечает пробелы в наших знаниях о потенциально эмпатических методах повествования. Ни один конкретный набор повествовательных методов еще не проверен, чтобы отменить сопротивление сопереживанию, которое часто проявляется членами группы в отношении эмоциональных состояний других людей, отличающихся по возрасту, расе, полу, весу, физическим недостаткам и т. д. Люди склонны испытывать эмпатию наиболее легко по отношению к тем, кто похож на них.

Если эмпатический опыт чтения начинает цепную реакцию, приводящую к зрелому сочувствию и альтруистическому поведению, как полагают сторонники гипотезы эмпатии-альтруизма, тогда обнаружение такой повествовательной техники имеет важное значение. Однако, одно дело – знать, что сообщают читатели об опыте эмпатического чтения, и совсем другое – понять, как такой опыт может способствовать изменению настроения читателя, его мотивации и взглядов. Если романы могут расширить чувство гуманности читателя за пределы предсказуемых ограничений, то повествовательные методы, связанные с таким достижением, должны быть особенно ценными.

Теория нарративной эмпатии

Идентификация персонажа часто вызывает эмпатию, даже когда вымышленный персонаж и читатель отличаются друг от друга, но эмпатия к вымышленным персонажам, по-видимому, требует только минимальных элементов идентичности, ситуации и чувства, не обязательно

сложных или реалистичных характеристик. Неясно, первоначальной является читательская эмпатия или идентификация читателя с персонажем: спонтанное сопереживание чувствам вымышленного персонажа иногда открывает путь для идентификации этого персонажа. Не все чувства персонажей вызывают эмпатию; действительно, эмпатические реакции на вымышленных персонажей и ситуации происходят быстрее в случае негативных эмоций, независимо от того, существует ли совпадение в деталях пережитого опыта. Эмпатия к персонажам не всегда возникает в результате чтения художественной литературы, эмоционально вызывающей собственные воспоминания.

Время и обстоятельства чтения имеют значение: способность романов вызывать эмпатию читателей меняется с течением времени, а некоторые романы могут активировать эмпатию только своей первой, непосредственной аудиторией, в то время как другие романы должны выжить, чтобы дождаться более позднего поколения читателей, чтобы получить эмоционально резонансное чтение. Эмпатия читателей в отношении ситуаций, изображенных в художественной литературе, может быть усилена случайными связями с конкретными историческими, экономическими, культурными или социальными обстоятельствам. Так, эмпатия широкого круга читателей может возникнуть либо в момент первой публикации произведения, либо в более поздние времена, случайно предсказанные или пророчески предвиденные романистом.

Романисты не осуществляют полный контроль над реакциями на их замысел. Эмпатия к вымышленному персонажу не всегда соответствует тому, что автор создает. Ситуативная эмпатия, которая в основном реагирует на аспекты сюжета и обстоятельств, включает меньше представлений читателем себя в вымышленной роли и больше – узнавания предшествующего (или текущего) опыта. Романист, взывающий к ситуативной эмпатии, может надеяться только на читателей с соответствующим опытом. Общий и формальный выбор, сделанный авторами в создании вымышленных миров, играет роль в привлечении (или замедлении) эмпатических реакций читателей.

Это означает, что для некоторых читателей использование автором шаблонных условностей триллера или любовного романа увеличило бы эмпатический резонанс, в то время как для других читателей (возможно, более образованных и искушенных в литературных эффектах) путь к эмпатическому чтению открывают необычные или яркие представления. Сами романисты часто подтверждают значительную роль эмпатии в чтении и создании романа и выражают веру в способность повествовательной эмпатии изменять умы и влиять на жизнь читателей. Тем не менее, даже самые воодушевленные создатели своих эмпатических образов понимают, что этот ключевой ингредиент вымышленного мира не всегда передается читателям без помех. Эмпатия может быть использована авторами с социально нежелательными целями, которые могут быть отвергнуты осуждающим читателем. Действительно, эмпатическое расстройство при впечатлении от персонажа, чьи действия противоречат нравственному кодексу читателя, может быть результатом успешного осуществления авторской эмпатии.

Авторская и читательская эмпатии носят риторический характер, и несложно заметить, когда они конфликтуют в случаях эмпатической неточности (несоответствие, возникающее из-за пробелов между намерением автора и опытом повествовательной эмпатии читателя).

Переживания эмпатической неточности могут способствовать возмущению читателя ошибочностью авторской точки зрения, в то время как единодушие в эмпатии автора и читателей может выходить за рамки литературного отклика мотивирующим побуждением к просоциальным действиям. Позиция читателя в отношении рассчитывающего на эмпатию автора ограничивает эти искомые результаты.

С. Кин полагает, что ограниченная стратегическая эмпатия действует в случае с замкнутой группой, основанной на опыте взаимности и ведущей к ощущению со знакомыми «другими». Такая представительская (посольская) стратегическая эмпатия обращается к избранным «другим» с целью культивирования их эмпатии к членам замкнутой группы, часто с определенной целью. И напротив, широковещательная стратегическая эмпатия призывает каждого читателя чувствовать себя членом группы, подчеркивая общие уязвимые места и надежды через универсализацию представлений.

Эмпатические методы повествования

С. Кин отмечает, что повествование от первого лица легче вызывает чувство отзывчивости, чем всё разнообразие повествовательных ситуаций от третьего лица. Повествование от первого лица может усиливать эмпатию. И, наоборот, эмпатия сдерживается повествовательным диссонансом, несогласованностью, избытком уровней повествования с несколькими рассказчиками, беспорядочным или особенно запутанным сюжетом. Жанр, окружающая обстановка и период времени чтения также могут способствовать возникновению или затруднить эмпатию читателей. Противопоставление повествования от первого лица повествованию от третьего лица ставит вопрос слишком широко, со слишком многими другими переменными, чтобы достичь достоверного вывода. Теоретики повествования могут внести специфику и уточнения в исследование повествовательной эмпатии. Сами формальные методы некоторыми исследователями считаются эмпатическими по своей природе, в то время как другие исследователи предрасположенность читателя к тексту измеряют путем изучения конкретных последствий литературного чтения. Наблюдения, сделанные этой последней группой исследователей, часто приводят к размышлениям о методах повествования. Сопоставление этих якобы эмпатических методов повествования привлекает внимание ко многим аспектам повествовательной формы, которые еще не были связаны с эмпатией читателей, но которые не следует исключать без тщательного рассмотрения.

Наиболее часто выделяемой особенностью повествовательного вымысла, связанной с эмпатией, является идентификация персонажа. Можно предположить, что конкретные аспекты характеристики, такие как имя, описание внешности, косвенное значение признаков, типаж, относительная плоскостность или полнота его изображения, поступки, роль в развитии сюжета, уровень речи и способ представления сознания указывают на потенциал для идентификации персонажа и, следовательно, для возникновения эмпатии. Связь между сообщениями читателей об идентификации персонажей и их опытом повествовательной эмпатии еще не объяснена.

Другим формальным качеством, чаще всего связанным с эмпатией, является повествовательная ситуация (включая точку зрения и перспективу): характер посредничества между автором и читателем, включая рассказчика, неявное местоположение рассказчика, отношение рассказчика к персонажам. Многие другие элементы художественной литературы могли бы внести вклад в изучение эмпатии читателей, в том числе повторение произведений в серии, продолжительность романов, жанровые ожидания, использование окружающей обстановки, метаповествовательные комментарии и аспекты дискурса, замедляющего темп чтения. В большинстве случаев еще предстоит добиться подтверждения многих гипотез о связи конкретных методов повествования и эмпатии.

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем проявляется разница в эмпатии к реальным людям и к вымышленным персонажам?
2. Какова связь между эмпатией и симпатией? В чем состоит разница между эмпатией и альтруизмом?
3. Какова роль эмпатии в художественном произведении?
4. Каким образом может быть использована автором художественного произведения эмпатия читателей?

Литература:

1. Suzanne Keene. Narrative Empathy//Towards a Cognitive Theory of Narrative Acts. University of Texas Press, 2010. – P. 61-93.

2. Hatfield Elaine, Cacioppo T. John, Rapson L. Richard. Emotional Contagion. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
3. Titchener E. B. Experimental Psychology of the Thought Processes. – London: Macmillan, 1909.
4. Lee Vernon [Violet Paget]. The Beautiful: An Introduction to Psychological Aesthetics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1913.
5. Hoffman Martin. Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2000.
6. Singer Tania. Empathy for Pain Involves the Affective but Not Sensory Components of Pain. – Science 303 (20 February 2004).